

355645

Г6714

СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

Возвращение

Газетно-книжное издательство Обкома ВКП(б)
Саратов

1943

Т о в а р и щ и !

Прочитай эту книжку вслух у себя на предприятии или в колхозе, госпитале, школе, домохозяйкам.

После читки проведи беседу о непоколебимой уверенности советского народа в победе над немецко-фашистскими захватчиками.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кровь не успевала замерзнуть на клинках—такая была рубка. Горячий пар шел от белых дубленых полушубков — такая была скачка. Трое суток в седле, трое суток в боях, только снежный прах из-под копыт, да храп коней, да свист шашек, да алые башлыки за спиной, как крылья. И, как во сне,—хутора, пожары, дороги, косматый дым над станицами, кровь и пепел на снегу, и над всем—острый запах горячего конского пота, гари и дыма, старый, знакомый запах боя.

Победа окрыляет. Люди забыли о сне, об отдыхе. Одубели ноги в стременах, на валенках ледяная корка, обветрились, облупились лица, от победного казачьего гика охрипли глотки. — Драться! Драться! Гнать и наступать врага, рубить на всем скаку, как позу, поганой крови не стирая с шашек! И трофеи считать некогда, и трофейный коньяк пить некогда — гнать и гнать, вызволять родную донскую землю.

Еще долго могли без усталости драться и нестись сквозь косматую снежную степь люди, да кони выдохлись, кони оказались слабее людей. Седые от инея, измученные, они дрожали всем телом, дышали трудно и хрипло, жадно глотали морозный воздух. И, взглянув на них, майор Дорошенко, командир казачьего полка, с сожалением понял, что и коням и людям, а, вероятно, и ему самому, нужна передышка. Он сказал адъютанту кратко:

— В станице людям и коням отдых. До зари.

Казачи вошли в станицу поздним вечером. И все было, как всегда, в эти дни. Бабы, смеясь и плача, припадали

к стремянкам, сбинимали ноги казаков, заглядывали в глаза и искали среди этих богатырей, в мочалых, покрытых снегом бурках, своих мужей и сынов. И каждой надеясь, что обязательно должен быть здесь, среди этих родных людей-освободителей, он — самый родной и желанный.

Штаб разместился в теплой просторной хате. Майор Дорошенко, отдав необходимые распоряжения и убедившись, что все в порядке, кратко сказал адъютанту: «Пошли!», и вышел на улицу. Адъютанту тогда же выскочил вперед за ним, едва успев набросить бурку на плечи.

Адъютанта майора звали Васей Сепиряковским. Он только недавно с великим терпением окончил училища и с великим рвением выростовал себе усы, полагая, что без усов нет казака. Нынче он был его первым огненным крещением. Его первый бой был победным боем. Он не знал горьких дней неудач. И война представлялась ему такой, как он видел ее в эти три дня. Рубка лозы — вот что такое война. Веселая рубка лозы.

Майора Дорошенко ее уржал, даже почитал, но немного побаивался. Побаивался не только как начальника, но и как человека. С веселыми, беспечными, легкими людьми Вася сходилась быстро, хмурых же побаивался всегда, а майор Дорошенко был непонятно хмур и малодулив и лицом умел. Не таким должен быть казак, по мнению Васи, — казак воет весело, и гуляет весело, и умирает весело, а у Дорошенко и в бою брови насулплены, губы сжаты и горькие морщинки у рта. Но однажды довелось Васе увидеть, как блестят мрачные глаза майора — страшным огнем горели они, братцы мои, и Вася вдруг почувствовал себя желторотым мальчиком и догадался, что есть в этой войне, и в жизни, и в людях что-то такое, чего еще не дано ему понять и почувствовать. Но об этом некогда было Васе подумать, веселая рубка лозы захватила его целиком. Одно только правило положил себе Вася по отношению к майору: лишних вопросов не задавать, понимать с полуслова, а длинные беседы держать при себе.

И сейчас, на улице, он не стал спрашивать Дорошенко, куда это они идут ночью, молча шол вперед за ним и даже догадок особых не строил: «Верно, карзаны проверять идем».

Но Дорошенко вдруг остановился у одной избы и постучал в оконце.

— Куда это мы, товарищ майор? неволью вырвалось у Васи.

— В гости,

Дверь распахнулась, и на пороге появился старик с лампой. Он удивленно всмотрелся в гостей и, вдруг узнав, радостно заулыбался.

— Господи боже ж мой,—засуетился он, — товарищи, да пожалуйте ж, пожалуйте ж в хату. Как же так? Боже ж ты мой, радость какая!

Казаки вошли в избу. Было в ней пусто, и холодно, и одиноко, и Вася никак не мог понять, что им делать тут, в этой хате бобыля.

Майор тяжело опустился на пазку. Он молча следил за тем, как суетится старик, потом протянул к огню руки, сперва левую, на которой не хватало пальца, потом правую, и, казалось, что за этим он и пришел сюда,— вот так посидеть у огня, помолчать, обогреться после дороги. Потом он потер руки, пальцы хрустнули, и поднял голову.

— Стало быть, не признал ты меня, дед?

— Ась? — удивленно отозвался старик.

— Не узнал, говорю?

Старик нерешительно подошел к нему и всмотрелся.

— Не взыщи, батюшка,—виновато сказал он,—памятью слаб.

— А мы встречались. И недавно. Целые сутки я у тебя жил.

— А а,—обрадовался старик, — жил, жил... Много вас тут прошло, жило. Как же... Только когда ж это? Запомнялся, не взыщи...

Майор вдруг резким движением сбросил с плеч бурку и, отстегнув от ремня полевую сумку, швырнул ее на стол. Вася следил за ним недоумовающим взглядом. Ничего не мог понять он в этой встрече. Майор что-то достал из сумки и выложил на стол, и Вася увидел, что это были георгиевские кресты—два серебряных крестика на стареньких, потертых ленточках.

— Возьми свои кресты, дед! — громко прокричал майор.

Старик растерянно взглянул на кресты, потом на майора, потом на кресты опять.

Вдруг он испуганно съёжился.

— Может, я,—пробормотал он,—может, что обидное я сказал тогда? Может, оскорбил?

— Нет, чего уж, — усмехнулся майор.

— Оскорбить не помышлял. А только сердце у меня в ту пору горькое было. Может, и сказалося что невпопад, тебе в обиду. Так ты, родимый, не осуди.

Вася сидел теперь, широко раскрыв глаза, и глядел на этих непонятных ему людей и все не мог сообразить, что между ними вышло.

— Дождевая вода и та горькая, потому она и камень долбит,—произнес майор.—Нет, я не обиделся на тебя, дед. Жестокие были твои слова, уж на что я—камень, а и меня продолбили.

Старик машинально взял кресты в руки и потер их шершавой ладонью. Тускло блеснуло серебро под огнем лампы.

— У меня за немцев кресты,—дрогнувшим голосом сказал он,—ерманцами мы их тогда звали. Уж рубили, рубили! Ты не вини, родимый, старого человека. Горькое у меня в ту пору сердце на вас было..

— А у меня?—вдруг закричал майор, да так, что Вася даже вздрогнул.—А у меня тогда не горькое было? Думаешь, дед, легко мне было командовать «на конь» и прочь? Легкое, думаешь, дело из родных станиц уходить?

— Большое тогда отступление было, — пробормотал старик.

— Мне, может, каждая спеза станичной бабы в душу падала, душу жгла,—горячо продолжал майор.— Мне, может, каждый младенческий крик сердце на куски разрывал. Ведь и мой где-то так тоже... — он заскрипел зубами и замолчал.

С минуту длилось молчание, и в тишине было явственно слышно, как хлопает о ставни ветер, словно птица крылом. Майор вдруг подошел к старику и, глядя на него в упор, бросил отрывисто:

— Помнишь, что ты крикнул мне... когда кресты бросал?

— Как не помнить,—пробурчал дед.

— И я помню. «Ироды,—крикнул ты мне,—опозорили сы русскую славу, опозорили!»—и швырнул свои георгии в пыль. Так?

— Так,—хмуро отозвался старик.

— Я те кресты поднял. Чорт его знает, всего навидался я на своем веку, не человек стал — камень, а крик твой, дед, до сих пор у меня в ушах звенит. А ведь понял, все понял: за кого ты меня счел тогда, что ты обо мне, казаке, думал. Вот твои кресты, дед. Я их три месяца за собой таскал. В сумке были, а словно я их на груди носил. Тяжелые твои кресты, дед. Тяжелые! Возьми их назад. Хочешь—на груди носи, хочешь—в сундук спрячь. Спроси у моего адъютанта, он тебе расскажет, как мы твоих ерманцев лупили. Не хуже вашего, дед. Расскажи ему, Вася.

И он вдруг расхохотался громко и весело, и это было в первый раз, что видел Вася майора смеющимся.

— Признал теперь, дед? Вспомнил?—смеялся майор.

— Признал,—улыбнулся и дед,—как не признать.

Он взял со стола лампу и поднес ее прямо к лицу майора. Огоньки загорелись в мрачных глазах Дорошенко.

— Ну, такой же?—усмехаясь, спросил он.

— Словно бы у тебя на лице рубцов прибавилось. Ась?

— Казаку рубец, что георгиевский крест,—награда,— снова усмехнулся майор. — А и у тебя, дед, словно бы морщин больше стало!

— Война, сынок, всех метит. Военного человека—шрамом, нас отставных,—морщинкой.—Он поставил лампу на стол и вздохнул.—Как морщинам не быть! Что мы тут без вас пережили.. Старики, бывало, ко мне сойдутся. Беседуем шопотком. «Ты,—говорят они мне, — Тимофей, старый казак. Воевал. Кавалер. Тактику и стратегию понимаешь. Как, мол, по-твоему, что дальше будет?». А какая у меня, товарищи, стратегия? Карт у меня нет, плантов нет, известия, и те редко доходят. Видывал я старых немцев—ерманцев поглядел и на нынешних. По моей стратегии выходит: должны мы немца побить, такой я себе план строю. А куда немец по моей хате ходит, моими половицами, как хозяин, скрипит.. эх!—Он задумался на минуту. — Или еще бабы забегут, то одна, то другая. «Ты б пошел, дед,—кудахчут,—артиллерию б по-

слушал. Наступают наши аль отступают?». Ну, выйдешь на бугор, обернешь на восток ухо, слушаешь... Ветер шумит в стели, артиллерия бьет... Ухо слышит: уходят наши, удаляются. Ухо слышит, а сердце не верит. Не верит сердце, товарищи, уж такое у меня, у старика, сердце. Не верит оно, что может немец русского человека одолеть. Ну, вернешься к бабам и шепнешь им: не сомневайтесь, мол, ждите, вернутся наши, не обманут. Вот вы и вернулись,—он вдруг по-стариковски всхлипнул, затрясся весь,—вернулись, родные. Не обманули!

— Не обманули, дед?

— Не обманули.

— Эх, дед!—Майор вдруг подошел к нему и крепко стиснул за плечи.—Эх казачина!

Даже Васю взволновала эта сцена, чуть не всхлипнул и он. До сих пор земля, на которой он дрался, казалась ему только полем веселой сечи. А сейчас, словно края раздвинулись, и увидел он дали, и всю землю под кровью и пеплом, и курганы в степи, и как стоят на них, обернув на восток скорбные лица, наши люди и прислушиваются. Ветер ли то шумит или наши идут? Беда ли то хлопает крыльями, или, наконец, свобода?

— Что ж, долго погостите у нас али как?—улыбаясь и вытирая слезы, спросил старик.

— До зари, дед,—ответил майор.—не одни у меня твои кресты, дед. Не один ты ждешь. И за Северным Донцом дела у нас есть. И в Донбассе ждут. А в Запорожье ждут меня мои...—он запнулся и через силу закончил:—может, одни могилы меня там ждут, все одно торолиться надо.

— Эх, беда какая,—всплеснул руками старик, — и угостить-то нечем. Все проклятые немцы вытаскали.

— Найдем! Вася, фляжку! Давай, дед, стаканчика. Да вот есть один.

— Нет лстой.—хитро усмехнулся дед,—этот не годится. Я сейчас.

Он подошел к двери, поднял половицу и нырнул куда-то под пол. Скоро он появился оттуда. В руках у него были три старинные казацкие череленные чарки.

— Дедовские, — торжественно произнес старик, ставя чарки на стол,—уберег от немцев.

Майор стал медленно наливать водку.

А-14-47

На заре полк уходил из станицы. Откуда-то из-за Дона подымалось и растекалось по небу огромное красное солнце, и лучи его, как золотые сабли, замахнулись уж над Северным Донцом, словно солнце перешло в атаку.

Глядя на это солнце, встающее над синей от мороза степью, старик сказал майору:

— Кровавый этот год будет, сынок. Ишь, заря какая.

Он стоял осененный солнцем, седой, худой, без шапки, и голос его звучал пророчески.

— Великая сеча будет, сынки, ох, великая! И в той сечи погибнет, расточится враг. И люди очистятся, и братья соединятся, и мать встретит сына, и жена—мужа, и дети—отца. И земля от крови набухнет, станет тучной и зачнет родить, родить...

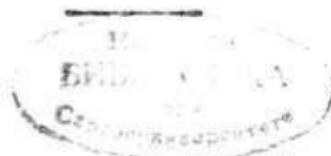
Отдохнувший конь бодро взял рысь и вот уже вынес майора на околицу и понес, и понес навстречу новым боям и сечи.

А старик остался у околицы. Долго с завистью глядел он, приложив ладонь ко лбу, на гарцующих казаков. И вздыхал, что молодость прошла и не вскочишь теперь на доброго коня, не понесешься в сечу рубить ерманцов.. Потом повернулся и пошел в станицу. Нынче условились старики собраться в колхозе поглядеть: чем васну встречать, чем пахать, чем сеять.

А над станицей, над степью, над казаками, окутанными снежной пылью, все выше и выше подымалось солнце, кроваво-алое, веселое, молодое солнце сорок третьего года.

Борис ГОРБАТОВ

Действующая армия.

355645

Отв. за выпуск Н. Богданова.

Корректор А. Агапова.